

Глава IX. Агония республики

“Теперь я мучительно старался убедить себя, что не все еще предрешено, и что чудо может спасти республику.

Илья Эренбург

Памяти Каталонии

Социально-экономическое положение Республики продолжало ухудшаться. Во второй половине 1938 г. из-за потери Арагона и изоляции центральной части территории Республики были затруднены поставки продовольствия в Мадрид. Не хватало средств на закупку продовольствия. Впрочем, были и внутренние причины продовольственных трудностей, о которых докладывали советские дипломаты: «Крестьяне особенно недовольны тем, что государство, покупая у них продукты по твердым ценам, продает их зачастую вдвое и втрое дороже в городах»[1562]. Время синдикалистского продуктообмена кончилось. Из-за тотального призыва в армию (около миллиона человек, хотя оружия на всех не хватало) не хватало рук для уборки урожая. При этом пришлось задействовать армию на уборку хотя бы части урожая[1563].

Рабочие были вынуждены искать продовольствие сами — невыходы на работу в ноябре достигали 15 % рабочей силы[1564]. В декабре прошла голодная демонстрация в Мадриде[1565]. Голодала и Барселона. Паек на предприятиях составлял 150 грамм хлеба, 100 грамм мяса или рыбы, 50 грамм жиров, и еще 2 литра вина и 1-2 кг бобовых в месяц[1566]. Обеспечивался он нерегулярно. Столкнувшись с враждебностью к себе государства, коллективы укрывали произведенную продукцию[1567].

В январе 1939 г. США продали Испании 500 тыс. бушелей пшеницы по 9 долларов за тонну, за полцены. Американцы не упустили возможность для пиара — в прессе сообщалось, что продовольствие поставлено «бесплатно»[1568].

Как докладывал С. Марченко, «положение усугублялось тем, что руководство экономической политикой правительства было передоверено Негрином некоему Дельгадо Торресу, темные политические связи которого были достаточно известны. В результате этого экономическая политика правительства творилась без участия и контроля народного фронта и коммунистической партии, которая, кстати, недостаточно занималась вопросами экономики. Она сводилась в деревне к административному изъятию излишков (без

компенсации — зачеркнуто — А. Ш.), что не мешало богатым крестьянам и анархистским „колхозам“ прятать колоссальное количество продуктов, натравливая остальных крестьян против центрального правительства»[1569]. Сначала автор написал более нейтрально: «было по среднему и беднейшему крестьянству и раздражало остальных крестьян», но потом «заострил» против злонамеренных кулаков и анархистов. По мере правки документ приобрел форму, более соответствующую настроению начальства в НКВД. Дипломаты должны были учитывать судьбу своих предшественников, расстрелянных в 1937–1938 гг. Впрочем, в условиях характерных для бюрократической экономики злоупотреблений нет ничего удивительного в том, что крестьяне и коллективы не хотели отдавать продукцию государству[1570].

Но на военном производстве рабочие продолжали самоотверженно трудиться. Как докладывал советник при субсекретариате вооружений М. Неделин (будущий командующий ракетными войсками стратегического назначения СССР), в Барселоне в ноябре было произведено 210000 корпусов снарядов (на 20000 больше, чем в октябре, на 50000 больше, чем в центральной зоне). Дальнейшее наращивание производства было бессмысленно, потому что после падения Севера не удавалось производить достаточное количество взрывателей — только 134000 в октябре, а в ноябре — и вовсе 109000 из-за аварии (считалось, что это — диверсия, но и опыта в этом производстве барселонцам не хватало). Однако даже имеющееся производство покрывало потребности фронта кроме ПТО и зенитной артиллерии. Производились также броневики и стрелковое оружие. Чтобы найти сырье, ввоз которого практически прекратился еще в сентябре, «промышленность вынуждена была мобилизовать все остатки и весь лом и брак литья, чтобы как-нибудь сохранить уровень выпуска литья на прежнем уровне»[1571].

* * *

23 декабря Франко начал наступление на Каталонию. В принципе этот удар не был сюрпризом для республиканцев. В декабре внимание их разведки было приковано к передвижениям противника на этом фронте, а 20 декабря она доложила, что здесь передвижения войск «обнаруживают полностью приготвление противника к ближайшей операции, которая может начаться в любую минуту»[1572].

250 тысячам солдат Франко противостояло 176 тысяч республиканцев (на которых приходилось 86 тысяч винтовок)[1573]. На 260 истребителей и 300 бомбардировщиков франкистов приходилось 95 истребителей и 29 бомбардировщиков республиканцев[1574]. П. Тольятти, ссылаясь на советского главного военного советника К. Качанова, считал, что «соотношение сил не было для нас слишком неблагоприятным», так как часть республиканского фронта была хорошо укреплена[1575]. Но войска были деморализованы, и после сражения на Эбро у республиканцев не было здесь достаточных резервов. Удар был нанесен по 56 дивизии, состоявшей из карабинеров, моряков и пополнения. Фронт был прорван.

При этом политическое недоверие к анархо-синдикалистам продолжало пагубно сказываться на ходе сражения. «26-я анархистская дивизия, которая при Галане неплохо

дралась, перебрасывается на север, к 10-му корпусу, где она бездействует до конца кампании»[1576], — писал С. Марченко, для которого эти действия командования — пример саботажа и предательства. Но это — и пример надуманного недоверия анархистам, который в итоге ведет к подрыву боеспособности фронта.

К 20 января республиканцы в Каталонии потеряли убитыми, ранеными, больными и разбежавшимися 71069 человек — 40 % сил. Из них убитыми — всего 2500 человек. При этом было потеряно 34–36 % винтовок и пулеметов[1577]. И при этом республиканское руководство продолжало жаловаться на нехватку оружия.

Потери оружия были важны еще и потому, что республиканская армия продолжала пополняться — прибыло 44576 мобилизованных и солдат с юга (их было 12000)[1578]. Но Миаха послал в Каталонию людей без оружия, что обрекло этих бойцов на гибель или интернирование во Франции[1579].

В конце декабря — начале января республиканцы еще оказывали организованное сопротивление, держали фронт. Итальянцы давили на армию Эбро от Лериды на Монтблан, стремясь отрезать приморский угол республиканской обороны в районе Тортосы и Таррагоны. Республиканцы стали отходить от Тортосы к Таррагоне, чтобы не попасть в котел. Но поздно — 14 января итальянцы взяли Монтбланш и 15 января рубанули по выступу, прорвавшись к Таррагоне и к морю. Три республиканские дивизии были разгромлены, что деморализовало всю армию. «Моральное состояние командования резко упало, управление войсками у корпусов потеряно»[1580], — сообщалось в советском дневнике боевых действий.

Начался исход республиканцев из Каталонии во Францию. Советник группы армий в Каталонии полковник Ветров докладывал: «Главная причина падения морального состояния войск кроется не в характере боев, которые уже потеряли напряженность первых дней операции, и не в потерях людского состава. Все дело в работе командования всех степеней. Управление войсками потеряно. Люди не чувствуют командира. Последний поддался общему настроению обреченности, пассивности, не только не воодушевляет солдат, не останавливает их, а зачастую сам идет впереди их пути отхода в тыл»[1581]. Регулярная армия Негрина — армия своевольного бесконтрольного офицерства — проявила в этой обстановке свои худшие черты.

Республиканцы откатывались к границе с Францией, сдавая даже укрепления без боя, если противник прорывался на фланге. Боялись окружения, контрудары практически не наносили. Так был сдан мост на Марторель, что облегчило падение Барселоны. Казалось, Барселона будет обороняться — столица Каталонии, окруженная горами, имевшая запасы боеприпасов и снаряжения, могла выдержать осаду. И выдержала бы, будь дело в 1936–1937 гг. Но не теперь. Когда противник стал обходить Барселону, 5000 карабинеров покинули свои позиции. 26 января в Барселону прорвались моторизованные части противника. На улицах развернулись бои 60 танков, танкеток и броневиков франкистов против 28 танков и броневиков республиканцев[1582]. Если бы в городе были построены укрепления или хотя бы баррикады, если бы во время этого боя пехота не бежала из города, у франкистов не было бы шансов взять Барселону сходу. Теперь же шансов на успех не было

у республиканских танкистов. К вечеру Барселона пала.

П. Тольятти называет одной из важнейших причин падения Каталонии «сильную усталость масс». Речь может идти не только об усталости, но и о разочаровании рабочих в режиме. Правительство Негрина отобрало социальные завоевания 1936 г., и люди не хотели защищать эту власть даже против франкистов. «Бригады молодежи, воздвигавшей баррикады, встречали сопротивление со стороны групп женщин из народа, которые со слезами вырывали у них из рук лопаты и кирки»[1583], — рассказывает Тольятти. Как эта картина отличается от ситуации 1936 г.!

Республиканцы не эвакуировали из Барселоны запасы, включая 17 млн л бензина, который был остро необходим в остальной части Республики[1584]. Республиканское командование не смогло эвакуировать авиацию из Каталонии[1585], в том числе из-за недостатка горючего.

Вместе с войсками к Пиренеям отходило население. Этот исход создал пробки, через которые по дорогам не могли пройти войска и снаряжение. Впрочем, в начале февраля движение происходило в одну сторону — к спасительной французской границе через заснеженные горные проходы.

Несмотря на то, что оборона Центральной зоны не была прорвана, поражение в Каталонии произвело сильное впечатление на руководство Республики.

28 января В. Рохо, поддержанный генералом Э. Хурадо, доложил Асанье и Негрину, что возможности сопротивления исчерпаны. Он «предложил Негрину начать переговоры о посредничестве Франции и Великобритании с целью приостановить военные действия и договориться о лучших условиях мира, „которые уже могут иметь не политический, а только лишь гуманитарный характер, и быть направлены на обеспечение выезда из Испании руководства и офицеров армии, политиков и государственных служащих и прочих, которые находятся под наибольшей угрозой, и получение гарантий жизни и свободы тех, кто остается“. На следующий день Правительство не пришло к какому-либо решению по этому вопросу, но было поражено оценкой Рохо»[1586]. Так были сформулированы условия перемирия, которые будет выдвигать Касадо, сдавая, правда, шаг за шагом эти «гарантии жизни и свободы». Сам же Рохо в это время уже терял управление войсками. По советским оценкам, «Рохо был далеким от политики военным, профессионалом-одиночкой, лояльно выполнявшим свою работу, пока он верил в возможность сопротивления. Как только он потерял эту веру, он упустил управление армией»[1587].

По свидетельству П. Тольятти, «ясно было, что Негрин сам тоже потерял веру в дальнейшую борьбу, но он еще держался своей старой политической линии — линии сопротивления... Противоречивым моментом в позиции Негрина было то, что, платонически отстаивая сопротивление, он ничего не делал для того, чтобы его организовать. Его серьезнейшая вина заключалась в том, что в последние дни в Фигерасе он не распорядился отправить в Валенсию и Мадрид по крайней мере часть оружия, которое к нам прибывало»[1588].

Ответственность западной либеральной элиты за «невмешательство» и «умиротворение» естественным образом вызывает поиск оправданий, и одно из них — СССР вел себя также. «Когда в Мюнхене в сентябре 1938 г. стало ясно, что западные демократии не готовы выступить против фашистской агрессии, — пишет Д. Пуццо, — Кремль решил сформулировать и проводить иную политику. С конца 1938 г. СССР прекратил поставки оружия в Испанию»[1589]. Это распространенное на западе мнение, которое априори исходит из национального эгоизма Сталина, верно «с точностью до наоборот».

Поставки возобновились в декабре 1938 г., причем в кредит. В декабре 1938 г. на эти нужды было выделено 100 млн долл. (для сравнения — в марте 70 млн долл.), на 55 млн оружие было переправлено во Францию[1590]. В условиях изоляции после Мюнхена Сталин попытался «зайти с тыла» к консолидировавшемуся Западу.

12 января 1939 г. СССР представил Республике заем в 50 миллионов долларов США. В этом соглашении, в отличие от прежней практики, не было условий гарантии займа и даже условий его возврата. По сути, Сталин просто оплатил поставки. Закупки, совершенные за счет этого кредита, дошли до Франции.

Пока было можно, это оружие перебрасывалось в Каталонию. 30 января — 4 февраля было отправлено 41955 винтовок, 3446 пулеметов, 319 тысяч снарядов и 31,5 миллионов патронов. 4 февраля 1939 г. поставки оружия в Каталонию были остановлены республиканским руководством. Около 400 вагонов военного снаряжения пришлось эвакуировать назад во Францию. Попытка переправить 2 февраля часть боеприпасов в Центральную зону пароходами не удалась — они были уничтожены итальянской авиацией[1591]. Больше французы не допускали таких экспериментов. Склады во Франции были переполнены советским оружием, но не могли дойти по назначению.

Когда Негрин обратился с очередной просьбой о поставках, Ворошилов предложил так ответить ему:

«1. СССР всегда относился благожелательно к нуждам Испанского правительства и все его просьбы о помощи оружием и прочими боевыми средствами, в силу возможности, своевременно выполнял.

2. Последняя просьба Испанпра, заявленная через Сиснероса, о продаже вооружения была нами в значительной мере выполнена, и если Испанпра не смогло договориться с французским правительством о своевременной переброске этого вооружения в Испанию полностью, то мы можем только сожалеть об этом.

3. Требовать в данное время новых поставок вооружений Испании, когда доставленное нами оружие в огромной массе находится на территории Франции и рискует попасть в качестве трофеев французским фашистам, по меньшей мере несвоевременно»[1592].

Конечно, этот документ не мог быть направлен за границу без существенной правки (в частности, «французские фашисты» в это время не могли претендовать на советское оружие, зато оно могло попасть в руки испанских фашистов после того, как Франция признала Франко представителем Испании). Но предложения Ворошилова отражают

раздражение советского руководства ситуацией, когда существенные для СССР затраты пропали впустую из-за нерасторопности Негрина. Надо признать, что дело было не столько в Негрине, сколько в Даладые, но просить новые вооружения в этих условиях действительно было неуместно.

1 февраля, эвакуируясь вместе с остатками восточной армии во Францию, правительство собрало в замке в Фигересе, недалеко от французской границы, 62 депутатов кортесов. Негрин выдвинул только три условия прекращения сопротивления — независимость страны, проведение выборов и отказ от преследований противников после войны. Однако Франко ответил очередным отказом на этот жест отчаяния. 13 февраля он объявил, что наказанию подлежат все, кто занимался «подрывной деятельностью» с октября 1934 г. и препятствовал «правительству националистов».

2 февраля Негрин обратился к испанцам, пытаясь убедить республиканцев и мир, что не все потеряно, сплотить республиканское руководство: «Нас сбили с позиций, но мы не побеждены. Не важно, что некоторые, стоявшие у руля правления, захваченные волной паники, которая поднялась вследствие падения Барселоны, изменили своему долгу, бежав за границу; но законное правительство стоит на своем посту. Нас меньше, но мы лучше, потому что атмосфера вокруг нас не отравляется ни пораженчеством, ни разложением... Мы хотим быть хозяевами нашей страны без позорной опеки, и хотя все тоталитарные страны нас преследуют и, так называемые демократические страны постыдно покидают нас, у нас достаточно храбрости и достоинства для того, чтобы защищать нашу землю и наше дело»[1593].

4 февраля пала Жерона, 7 февраля франкисты преодолели последний оборонительный рубеж на реке Флувия. Республиканцы уходили во Францию, где их ждали новые унижения: «На границе французские жандармы (гар мобиль) занимались грабежом. Забирали у солдат и офицеров все, что им понравилось, а если этот предмет не хотели отдавать, то предлагали вернуться в Испанию к Франко. Ничего не оставалось делать, как только отдать эту вещь жандарму»[1594], — рассказывал боец-интернационалист Э. Штейнтольд. Затем массы интернированных были размещены в лагерях под открытым небом в сырой местности. Смертность в одном из них достигала 100 человек в день, пока французы, наконец, не предоставили материалы для строительства барачков[1595].

8 февраля границу пересекли Негрин и Рохо. 9 февраля последние республиканцы перешли границу с Францией и были там интернированы — война кончилась для 70 тысяч республиканских солдат.

Последний шанс

Положение Республики становилось почти безнадежным. Минимум боеприпасов, сырья и продовольствия, промышленная база почти целиком захвачена противником. Авиация почти не могла действовать без горючего (аукнулась и неспособность вывезти его из Барселоны). В феврале 1939 г. Франко располагал 1028941 солдатом (без учета интервентов), а республиканцы — 750000 солдат. Но у франкистов были вооружены все, а в Центрально-

южной зоне было лишь 250000 винтовок. На 469 самолетов фашистов приходилось 163 республиканских. Республиканские оружие и самолеты оказались у французов — и то, что было отобрано у республиканцев, перешедших границу, и то, что поставил СССР.

Однако концентрация войск на Центральном фронте была высокой, и франкисты не могли бы сокрушить эту закопавшуюся в землю армию быстрым ударом. Республиканцы могли создать дополнительные внутренние рубежи обороны, чтобы продержаться дольше. Ведь теперь время работало на Республику.

* * *

Испанскую республику перестали учитывать как фактор европейской игры. Тем не менее, сама эта игра перешла в решающую фазу, и большая развязка стала вопросом нескольких месяцев. Ресурс существования Республики также исчислялся месяцами. В этом заключался последний шанс Республики на выживание.

Эти надежды Альварес дель Вайо позднее связал с традициями испанской истории: «Мы мечтали об испанском бастионе, каким бы маленьким он ни был, где бы мы держались до тех пор, пока не пробил бы час реконкисты. Воспоминание об испанских либералах начала XIX века, которые на своем островке, осажденные войсками Наполеона (Кадис в 1812 году), в течение шести месяцев сопротивлялись натиску реакционных сил, казалось особенно воодушевляющим в эпоху, когда вся европейская политика претерпевала стремительные изменения. Хотя мы никогда не рассматривали мировую войну как выход, было очевидным, что если бы в Испании остался республиканский опорный пункт в тот момент, когда вспыхнул бы неизбежный конфликт между „западными демократиями“ и тоталитарными государствами, ужасные жертвы, принесенные испанским народом, не были бы напрасными»[1596].

Негрин 10 февраля через Францию вернулся в Испанию. Здесь к нему приходили плохие новости. 16 февраля он встретился с командующими фронтами, и большинство из них стало настаивать на том, что сопротивление невозможно. 27 февраля Великобритания и Франция признали правительство Франко. В тот же день Асанья подал в отставку, чем еще сильнее ослабил международные позиции Республики. Она осталась без легитимного президента. Отставка Асаньи была большим ударом для Негрина, «который всегда старался сохранять в глазах мира демонстративную легальность республики»[1597], — писал С. Марченко. Спикер кортесов Мартинес Барриос формально получил право исполнять обязанности президента, но не поехал в Испанию из Франции, требуя себе права на заключение мира. В сложившихся условиях это означало право подписать капитуляцию.

Формально признавая право Барриоса быть президентом, если тот приедет в Испанию, Негрин пока не собирался допускать капитуляцию. «Как и Асанья, и Прието, он прекрасно понимал, что выиграть войну невозможно. И они знали, что он это знал. Но, в отличие от них, Негрин не смирился. Тем не менее, он не мог обойти три препятствия, которые находились вне его влияния: поведение Асаньи, неуклонная тенденция к признанию Франко со стороны Франции и Англии, и ощущение, широко распространившееся вне

коммунистических кругов, что продолжать сопротивление невозможно»[1598]. «То, что действительно кажется очевидным, так это то, что Негрин все еще цеплялся за соломинку и хотел продолжать сопротивление, пусть и до определенной точки. Он прибег к помощи тех, которые были ближе всего к этой идее: коммунистов»[1599], — пишет А. Виньяс. И это было не так глупо, учитывая кризис в Европе.

Но Негрин, вероятнее всего, не рассчитывал продержаться, а преследовал другие задачи, выдвигая вперед коммунистов. «Именно в этом контексте он приступил к последним назначениям, которые породили миф, с тех пор лелеемый профранкистски и антинегринистски настроенными историками, что он готовил государственный переворот (!) с целью передачи власти коммунистам. По моему мнению, эти действия должны толковаться с точностью до наоборот: это был маневр с целью обеспечить спасение наибольшего количества республиканцев. Эти действия стали превосходным алиби для тех лиц „из военных“, которые были готовы капитулировать. Последние также хотели спасти жизни, но ошибались насчет средств спасения и действовали без адекватной оценки природы противника»[1600]. Таким образом, биограф Негрина признает, что формально продолжая курс на сопротивление и в силу этого выдвигая вперед наиболее склонных к нему коммунистов, Негрин уже внутренне смирился с капитуляцией, не рассчитывал дотянуть до начала мировой войны, а преследовал те же цели, что потом Касадо. Но, по мнению А. Виньяса, Негрин успешнее выполнил бы миссию спасения кадров перед капитуляцией. Негрин не разделял стратегии, которую затем, после начала мировой войны, столь романтично изложил Альварес дель Вайо. Получается, что «центристские» лидеры Республики не очень рассчитывали продержаться до большой войны. Они не знали, когда начнется эта война. Но Гитлер уже принял решение начать ее в 1939 г.

Увы, «миссия спасения» в любом случае была обречена на неудачу в главном — можно было спасти вождей (многие и спаслись), но нельзя было спасти республиканские массы. Начнешь эвакуацию — рухнет фронт. Почему одни должны были его держать, когда другие спасаются? У Негрина не было ответа на этот вопрос. Зато у него были те, кто готов был сопротивляться до последнего патрона — коммунисты. И он решил выдвинуть их на более ответственные посты, в том числе и для того, чтобы обезопасить правительство от офицеров, уже смирившихся с неизбежностью капитуляции.

В сложившейся ситуации создавалось впечатление, что Негрин подставлял компартию. Впрочем, коммунисты не прочь были сами взойти на приготовленную им Голгофу. Рохо писал Негрину 18 февраля: «Нет необходимости говорить тебе, что из всех политических партий была и есть только одна, которой я отдал свои симпатии. Думаю, они совершают большую ошибку уже в том, что берут на себя общую ответственность за руководство и направление этой фазы борьбы, потому что окажутся в таком положении, когда на них сконцентрируются усилия противника и всех стран. А это приведет к тому, что их партия — единственная относительно здоровая партия в нашей политической системе — будет окончательно раздавлена»[1601].

* * *

Сторонники скорейшего завершения войны в свою очередь тоже нашли «материальную силу» — в командующем Центральным фронтом полковнике Сигизмундо Касадо[1602]. В конце января — начале февраля он установил канал связи с франкистами.

Назначению Касадо на пост командующего фронтом в 1938 г. способствовал его антикоммунизм. Негрин не прочь был прибегнуть к кастет против своих левых партнеров: «Все наводит на мысль о том, что наперекор традиционному подходу, сложившемуся в историографии, он доверился Касадо. Речь идет о поведении, о причинах которого мы должны задуматься. Возможно, он верил полковнику, не зря же за несколько месяцев до этого тот ему доказал как свои антикоммунистические настроения, так и преданность. Может статься, он подумал, что в случае столкновений с коммунистами, Касадо может послужить ему опорой»[1603]. «В моменты в высшей степени критические он не доверял никому, даже Рохо, и играл в одиночку. Мы думаем, что также он не верил коммунистам, а те, разумеется, интуитивно чувствовали, что он не раскрывает до конца свои намерения. Его поведение с Касадо, возможно, объясняется подспудным желанием воспользоваться им при первой же возможности, в том числе, вполне вероятно, и против коммунистов»[1604].

Но к началу марта 1939 г. Негрин все же решился на новые перестановки в пользу коммунистов. Пусть они и сражаются до конца, если им хочется, пока умные люди будут «смазывать лыжи».

Коммунисты убеждали премьера, что необходимо провести чистку военных, но это только усиливало антикоммунистические настроения старого офицерства. К Касадо, который был основным организатором военного заговора, присоединился и главнокомандующий Миаха[1605]. 27 февраля Касадо запретил распространение «Мундо Обреро» в Мадриде за статьи, оскорблявшие ведущих политиков Республики.

2 марта Негрин начал перестановки в командовании. Касадо, 25 февраля произведенный в генералы, был назначен начальником Генштаба, на его место был назначен коммунист Буэно. Модесто должен был возглавить новую Маневренную армию, а Листер — Андалузский фронт. Коммунисты были назначены комендантами крупнейших городов. Для Касадо Негрин приготовил важнейший пост, но не связанный с непосредственным командованием. Этим Негрин бил сразу трех вальдшнепов — и снижал угрозу переворота со стороны Касадо, и менял растерявшегося Рохо, и умиротворял коммунистов. Только «выстрелил» Негрин поздно. Касадо отказался подчиниться этим решениям. Более того, Буэно и некоторые другие коммунисты отказались принять новые посты, опасаясь раскола в офицерском корпусе.

Касадо считал, что препятствием для сколько-нибудь достойных условий капитуляции являются коммунисты, к которым Франко особенно непримирим. Негрин, уже имевший негативный опыт поисков мира, не разделял эту — как показал опыт — наивную мысль. Тогда Касадо стал готовить переворот, чтобы осуществить свой план помимо Негрина. Поскольку авторитет премьера в это время пал низко, Касадо без большого труда договорился с представителями всех основных организаций Народного фронта, кроме коммунистов — необходимо отстранить от власти КПИ и Негрина и попытаться завершить войну миром, раз уж все равно нельзя победить. О безоговорочной капитуляции речь не

шла, хотя Касадо, как станет ясно, не исключал и ее.

4 марта в связи с прибытием нового командира базы Ф. Галана начался мятеж на военно-морской базе Картахена[1606]. Он нес огромную угрозу Республике. Как писал П. Тольятти, «если бы самые незначительные фашистские силы смогли войти в Картахену, неминуемо последовало бы быстрое крушение повсюду»[1607], так как противник наступал бы с тыла.

Командование базы арестовало Галана, а фалангисты воспользовались ситуацией и захватили радиостанцию и артиллерийский парк. Формально флот не поддержал мятеж, но адмирал М. Буиса получил хороший повод для дезертирства, которое он и его офицеры замыслили еще до начала событий.

Тем временем мятежники призвали франкистов на помощь по радио, и в Картахену был направлен десант. Но он опоздал — 5 марта коммунистическая бригада вернула город, франкистский десант был разгромлен. Когда коммунисты штурмовали город, флот по приказу адмирала М. Буиса и комиссара Б. Алонсо ушел в Тунис. Это было трагическое событие, учитывая, сколько республиканцев мог бы спасти флот в условиях краха Республики.

Удар «миротворцев»

Узнав о событиях в Картахене, Касадо решил, что тянуть больше нельзя, и выступил против правительства в ночь на 6 марта. Было объявлено о создании Национального совета обороны (НСО) без коммунистов. Председателем НСО стал прославленный Миаха. Реальным лидером мятежа был Касадо. В НСО вошли три беспартийных военных, 2 республиканца, два социалиста и 2 анархо-синдикалиста. Важной боевой силой мятежа были анархо-синдикалистские части 4 корпуса С. Меры.

Идеологом НСО и его министром иностранных дел стал «Бестейро, обуреваемый ложными представлениями, предубежденно оценивающий реальность и обремененный антинегринистскими и антикоммунистическими настроениями»[1608]. Причем в своем первом выступлении от имени НСО он обвинил Негрина как раз в том, что было бы разумно делать в сложившейся ситуации — в том, что он тянет время в надежде, «что осложнение международной обстановки разрешится международной катастрофой...». В качестве альтернативы Бестейро предложил «проиграть с честью и достоинством»[1609].

Манифест Хунты был направлен против дезертирства и капитулянтства, в котором обвинялись Асанья (справедливо) и Негрин, который якобы «позорным образом» отказался от своих полномочий. Хунта подтвердила, что ее устраивает лозунг Негрина «Или мы спасемся все вместе, или же погибнем все», но только она может его осуществить[1610].

Командующий армией Леванта Менендес колебался, но под давлением вооруженных коммунистов воздержался от открытого участия в движении Касадо. Это позволило коммунистам организовать эвакуацию части своих кадров через Валенсию и Картахену.

На сторону Касадо перешел также начальник штаба авиации коммунист Алонсо, но большинство командиров-коммунистов вступили в борьбу с мятежом. Однако командующие корпусами-коммунисты Э. Буэно, Л. Барсело и Д. Ортега медлили 6 марта, надеясь избежать широкомасштабного военного столкновения в тылу. Начальник СИМ Педреро отказался арестовывать Касадо. Однако комдив Асканио развернул наступление на ставку Касадо в Мадриде, захватив центральную часть столицы. 7 марта Барсело тоже вступил в борьбу с мятежом.

Большинство министров не считало возможным сопротивляться и предлагало подать в отставку, передав всю власть Барриосу. Против этого воспротивился коммунист Урибе, и тогда министры решили просто уехать — невозможно работать в таких условиях! «Успех Касадо был облегчен, по видимому, тем, что он восстал против правительства, которое и не думало защищаться. Уже в конце января большинство членов правительства было настроено пораженчески»[1611], — писал С. Марченко. Анархисты Меры восстали именно против такого пораженческого правительства, не зная о капитулянтских планах Касадо.

В этот момент еще, как рассказывает Тольятти, «Негрин не хотел выехать, покидая коммунистов, как он говорил, он был связан долгом чести»[1612]. Однако после недолгих колебаний Негрин все же вылетел во Францию, лишив сопротивление перевороту необходимой в этих условиях легитимности. Как писал С. Марченко, «правительство уехало из Испании, довольное поводом, который дал ему Касадо, считая себя морально освобожденными от ответственности за сдачу центральной Испании»[1613].

Коммунисты пытались организовать сопротивление в Мадриде и на побережье, но в целом эта ситуация «выбила из колеи» большинство их лидеров. Тольятти обратил внимание на такую особенность коммунистических кадров в этой обстановке: «Привыкшие к власти и к тем возможностям работы, которые она предоставляла, им не удавалось работать быстро при полулегальном положении»[1614]. Часть Политбюро ЦК КПИ и Тольятти были арестованы касадистами (в силу их малой публичной известности позднее им удалось бежать). Касадисты захватили Аликанте, разрушив надежды на создание надежного очага сопротивления перевороту в Центральной Испании.

Выступление Касадо с самого начала было направлено против Негрина и коммунистов, но официально оно не было капитулянтским. Выступая по радио 11 марта, Касадо заявил: «Наша борьба не закончится до тех пор, пока не восторжествует независимость Испании. Испанский народ не сложит оружие, пока не получит гарантию мира, свободного от преступлений. Либо мир для Испании, либо борьба не на жизнь, а на смерть. Мы, независимые и свободные испанцы, готовы принять любое из этих двух решений. Солдаты! Да здравствует Испания, свободная от чужеземного вмешательства! Да здравствует Республика!»[1615] Поэтому нельзя обвинять в капитулянтстве всех, кто поддержал НСО. В крайнем случае — в глупости. Но их мотивы отчасти были продиктованы подозрительным поведением Негрина: «Мы не можем согласиться с тем, что пока народ готовится к смертельному сопротивлению, его руководители готовятся совершить комфортабельное жульничество... Мы заявляем, что мы не дезертируем и не потерпим дезертирства... Мы обещаем, что никто (из лидеров — А. Ш.) не покинет Испанию, прежде чем смогут уехать все желающие»[1616]. Мы видели, что Негрин действительно готовил эвакуацию «самых

нужных» за спинами остальных. В результате выступление Касадо получило столь широкую поддержку. Что особенно важно, выступление Касадо было поддержано командующим 4 корпусом анархо-синдикалистом С. Мерой. По его мнению, целью НСО было заключение «мира, почетного мира, основанного на незыблемых принципах справедливости и братства, мира без унижений и слабости». По мнению Меры, если предложение мира «упрется в стену непонимания», следовало продолжать вооруженную борьбу против Франко[1617].

Политическая неопытность опять подвела анархистов — они поверили, что речь идет об отстранении от власти авторитарной силы коммунистов, о переговорах о достойном мире, а не о капитуляции. Как вскоре выяснилось, Касадо «решал „свою“ личную проблему, обрекая людей на настоящее массовое смертоубийство. На расстоянии от него наблюдается другая личность, которая играет роль настоящего цепного пса: выдающийся борец против фашизма, героический анархист Сиприано Мера. Несомненно, Касадо и его обманул, но почему-то нам кажется, что Мера слишком легко позволил себя обмануть»[1618]. Заклеймив таким образом идейно чуждого Мера, А. Виньяс и Ф. Эрнандес готовы проявить снисходительность к своему герою Негрину: «В трагедии республиканцев, которой явился финал войны, каким он сложился исторически, можно ли найти оправдания хотя бы кому-нибудь из них? По нашему мнению, можно сделать исключение для заблуждающегося Негрина, несмотря на две его основные ошибки: его управление флотом и его стратегия одиночной игры, без раскрытия своих карт. Несомненно, такое поведение можно понять, если подходить к этому с точки зрения той эпохи. Ход событий вынудил его спастись бегством (хотя, конечно, он мог решить сдаться, подобно тому библейскому агнцу, который безропотно пустился в путь на заклание), а также избавил от необходимости спускать флаг»[1619]. Что же будем снисходительны к заблуждающимся (но тогда уж не только к Негрину, но и к Мере). Однако не забудем и то, что, во-первых, игра «без раскрытия карт» спровоцировала анархо-синдикалистов на поддержку НСО (ну не хотели они, чтобы их держали «за болвана в старом добром польском преферансе», когда Негрин готовит эвакуацию «своих»). И, во-вторых, что бегство Негрина лишило антикасадистов остатков легитимности, окончательно дезорганизовав Республику административно-политически. Исход борьбы в республиканском лагере еще не был ясен, корабль еще только накренился, а капитан уже прыгнул в шлюпку, оставив пассажиров и экипаж, в том числе — и верную часть команды.

* * *

Касадисты начали арестовывать коммунистов, коммунисты требовали вхождения в состав НСО и прекращения их преследования. Последовал отказ. 7 марта верные Негрину части под командованием командующего 1-м корпусом Барсело установили почти полный контроль над Мадридом, коммунисты расстреляли несколько офицеров из штаба Касадо. Авиация касадистов бомбила штаб-квартиру КПИ. 9 марта подошли новые части Меры, которые выбили коммунистов из центра Мадрида.

12 марта перед угрозой наступления франкистов коммунисты прекратили сопротивление, потребовав от НСО заключить почетный мир, гарантирующий независимость Испании. Касадисты провели аресты коммунистов и расстреляли Барсело, отомстив за казненных касадистов. Анархо-синдикалисты настаивали, что коммунисты должны получить право на

политическую деятельность, им также должно быть обеспечено право на беспрепятственную эвакуацию.

Но Франко не собирался идти на переговоры даже с правительством без коммунистов. Это обрекало политику НСО на крах. Провалились и официальные попытки Касадо добиться почетной капитуляции с разрешением уехать всем желающим.

16 марта Франко напомнил Касадо, что требует только безоговорочной капитуляции. 19 марта НСО согласился вступить в технические переговоры о сдаче позиций. Их результатом стала капитуляция авиации, что еще сильнее затруднило эвакуацию. Таким образом, как пишут испанские историки, «Касадо и его товарищи по мятежу (социалисты, анархо-синдикалисты, буржуазные республиканцы) оказали великолепную услугу Франко, предоставив ему возможность, спутав все планы эвакуации, захватить и приступить к систематическому уничтожению самых известных личностей из тех, кто мог оказаться ядром внешней оппозиции и имел за плечами огромный военный и политический опыт»[1620]. Впрочем, значительной части опытных политиков удалось уехать, но они не сумели организовать эффективного противодействия Франко из-за границы. Касадо сделал нечто большее, чем срыв планов Негрина по эвакуации. Он не дал Республике продержаться считанные месяцы, которые оставались до европейской войны.

Поняв, что Франко не будет разговаривать с ним как с партнером, Касадо стал общаться как агент: «Я заявил и подкрепил словом чести, что, когда закончится война, моим намерением будет остаться в Испании, поскольку таков мой воинский долг. Однако 23 марта мои уполномоченные в переговорах о мире в Бургосе передали мне предложение Генералиссимуса с просьбой о том, чтобы я и все члены Национального совета обороны покинули Испанию по окончании войны, и в случае, если у нас не будет средств для отъезда, он предоставит нам самолет. Учитывая положение Генералиссимуса и свое, я воспринял это предложение как приказ»[1621].

Касадо пытался доказать франкистам, как много он сделал для них, придумывая и дополнительные заслуги: «В конце концов, если бы я не предотвратил переворот, который готовило коммунистическое государство, то какой была бы судьба фалангистов и их родных, профессиональных военных, тех, кто нашел пристанище в посольствах, анархистов, церквей, подвалов Мадрида, рудников Альмадена?»[1622] Даже рудники отдам в целости и сохранности! (Впрочем, республиканцы и не планировали какого-то тотального уничтожения.)

22 марта НСО выдвинул откровенные требования, которые боялся сформулировать ранее, но ради которых и брал власть — Республика готова капитулировать, если Франко даст возможность эвакуироваться тем, кто хочет уехать.

Незадолго до этого комитет связи НКТ-ФАИ принял воззвание, в котором утверждал, что НСО не капитулирует, и если Франко не согласится на почетные демократические условия мира (выдвинутые 6 марта), «мира не будет. Мы будем стоять насмерть»[1623]. Реально вести войну теперь было возможно только в партизанских формах. Это не были просто слова. Анархисты вели партизанскую войну вплоть до 50-х гг. До 1948 г. вместе с

анархистами действовали и коммунистические партизанские отряды.

* * *

Трагедия мартовских событий 1939 г. заключается и в том, что аккурат после начала мятежа Касадо обстановка в Европе стала быстро меняться. Когда республика стала агонизировать, у нее вдруг снова появились шансы на выживание в связи с общеевропейским конфликтом.

15 марта немцы вошли в Прагу. После некоторых колебаний[1624] Чемберлен был вынужден признать, что Гитлер его «кинул», нарушив Мюнхенское соглашение. В гневной речи 17 марта 1939 г. Чемберлен сделал вид, что отказывается от политики умиротворения. 31 марта он предоставил Польше гарантии вступления Великобритании в войну, если страна подвергнется «прямой или косвенной агрессии». После оккупации Албании гарантии были предоставлены балканским странам. Напряженность в англо-германских отношениях резко возросла. Чемберлену пришлось обратиться к претившей ему политике «коллективной безопасности», что вызывало одобрение и французов. Чемберлен утверждал: «Наш общий курс в отношении Германии направлен не на защиту отдельных стран, которые могут оказаться под угрозой с ее стороны, а на предотвращение германского господства на континенте, в результате чего Германия усилится настолько, что сможет угрожать нашей безопасности»[1625].

В этих условиях британская и французская дипломатия проявили интерес к сближению с СССР, что уже через месяц вылилось в предложение о переговорах о военно-политическом союзе. Интересно, что во время этих консультаций англичане и французы учитывали и фактор пиренейских государств, который ставили даже выше, чем возможную помощь со стороны СССР[1626]. В этих условиях Франция вполне могла бы переправить советское оружие в Испанию.

Такое стремительное изменение международной ситуации ставило перед Испанией вопрос о том, что нужно «только день простоять, да ночь продержаться». Но, увы, мятеж Касадо подрезал тот волосок, на котором еще держалась жизнь Испанской республики. Вывод о невозможности дальнейшего сопротивления был сделан организаторами НСО в одних условиях, а Республику они обрушили уже в других — в непосредственной преддверии Второй мировой войны, которая изменит в мире все. Все, кроме судьбы Испании, которая решилась накануне.

* * *

Касадо боялся, что когда выяснится невозможность «почетного мира», его выступление провалится. Он телеграфировал Франко 25 марта: «Возможно, что... та поддержка, которую мне до настоящего момента оказывал народ, завтра утром превратится уже в неприкрытую ненависть, поскольку он будет считать меня предателем его желаний, прислушавшись к доводам коммунистов, которые распространяют преступный приказ оказывать

сопротивление ...»[1627]. Так бы и вышло, если бы Республика просуществовала еще хотя бы неделю.

Мятеж Касадо показал всем — дело идет к капитуляции. На каких условиях — это вопрос. Но было ясно, что Франко не пойдет на демократический мир. Начался исход политических лидеров и офицеров с территории Республики — спасались как могли. Потоки беженцев заполнили порты. Солдаты толпами уходили с позиций. Если до мятежа Республика могла бы продержаться еще месяц-другой (а при условии благожелательной позиции Франции и переброске через ее территорию советского оружия и снаряжения — то и несколько месяцев), то теперь никто не мог остановить катастрофу.

Осознав, что Франко не станет церемониться со своими незадачливыми партнерами, члены НСО 27 марта стали разбегаться из Мадрида. В столице остался лишь наивный Бестейро, полагавший, что миротворчество избавит его от франкистской тюрьмы (он умрет в заключении в 1940 г.)

27 марта фашисты перешли во всеобщее наступление, 28 марта — без сопротивления заняли Мадрид. 1 апреля организованное сопротивление республиканцев прекратилось. 4 апреля итальянские танкетки вошли в Аликанте, где скопилось несколько тысяч беженцев. Западные корабли отказались взять их на борт. Часть антифашистов покончили с собой в Средиземном море, остальных ждала безжалостная расправа.

Испания была под контролем франкистских войск. Война, которая только в ходе военных действий унесла более 300 000 человек, закончилась. Но начался пир победителей — оставшиеся в стране бойцы республиканской армии, члены профсоюзов и партий Народного фронта отправились в концлагеря. Несколько десятков тысяч человек было расстреляно, более миллиона человек — отправлено в тюрьмы и на принудительные работы. Таково было лицо антикоммунистического тоталитаризма.

Нынешние адвокаты франкизма пытаются сгладить впечатление от развернувшегося в Испании социцида: «Критика послевоенных репрессий также должна учитывать тот факт, что, пусть среди жертв и были невинные, но большинство были осуждены, весьма вероятно, за тягчайшие преступления»[1628]. Никаких доказательств этой идеи не приводится — достаточно трогательного доверия к фашистской юстиции.

Тот факт, что среди репрессированных вскоре после войны оказались люди самых разных идей, радикальности, вовлеченности в насильственные действия — как раз доказывает, что Франко и исполнителям его воли было совершенно все равно, каковы реальные преступления репрессируемых. Он проводил тотальный террор против политической и социальной культуры Республики. И попытки Л. Пиа Моа оправдать это явное проявление тоталитаризма на испанской почве голословными рассуждениями о преступном «большинстве» репрессированных, показывает, что от современного консерватизма до фашизма может быть ближе, чем от троцкизма до сталинизма. Прошлое рядом, только тряхни социальную почву — и чудовища полезут из закоулков вполне уважаемой политической культуры.

Прямое столкновение двух авторитарных режимов, ориентированных на тоталитарные режимы за рубежом, завершилось победой связанного с фашистскими державами франкизма. Военно-авторитарная машина франкизма изначально была более эффективной, и победить ее можно было «несимметричными» методами. Подавление революционного импульса в Республике ослабило принципиальную альтернативность «двух Испаний» и поставило республиканцев в полную зависимость от внешнеполитических факторов. Блокада со стороны западноевропейских режимов и вынужденное ослабление вмешательства СССР в конфликт обрекли республиканцев на поражение. Испанская республика агонизировала, практически забытая миром, который напряженно следил за событиями в Центральной и Восточной Европе. Это равнодушие к Испании, которое так контрастировало с напряженным вниманием к ней всего мира в 1936–1937 гг., можно объяснить и переменчивостью «общественного мнения», и новыми, более опасными угрозами миру на планете. После мая 1937 г. Испания перестала нести миру что-то новое, неведомое. Она стала одной из малоценных фигур в сложной предвоенной политической игре. Республика лишилась обоих источников жизни — революционной энергии и внешней помощи.

И все же, и все же... Подводя итог борьбе за Республику в письме к Молотову 14 апреля 1939 г., Негрин писал: «Совокупность испанской проблемы не может быть отделена от борьбы, открытой и с каждым днем все более откровенной, между тоталитаризмом и антифашизмом. Мы еще должны будем, я в этом убежден, сыграть в ней значительную роль. Во всяком случае, моя страна показала пример. Бессильная против значительно ее превосходящих сил вторжения, преданная внутри и во вне, покинутая демократиями, она все же смогла бороться в течение почти трех лет»[1629]. И пусть Негрин преувеличивает роль внешних факторов, пусть он покинул свой пост, пусть он ошибался по поводу роли Испании в будущих битвах, пусть... В этот горький час поражения он словно передавал эстафетную палочку борьбы антифашизма против коричневой тоталитарной чумы. И борьба продолжилась, и были новые предательства и поражения, но была и Победа. И эта победа предопределила не только судьбу мира, но в конечном итоге и судьбу Испании, где фашизм тоже стал не магистралью, а тупиком. Значит, не напрасной была и борьба Республики.

Испанская революция пала под ударами, но она открыла фронт сопротивления наступлению мировой реакции. Она показала пример. Как писал И. Эренбург, «в Европе тридцатых годов, взбудораженной и приниженной, трудно было дышать. Фашизм наступал, и наступал безнаказанно. Каждое государство, да и каждый человек мечтали спастись в одиночку, спастись любой ценой, отмолчаться, откупиться. Годы чечевичной похлебки... И вот нашелся народ, который принял бой. Себя он не спас, не спас и Европы, но если для людей моего поколения остался смысл в словах „человеческое достоинство“, то благодаря Испании. Она стала воздухом, ею дышали»[1630]. А чем сегодня дышите вы? Есть ли вам чем дышать?